На правах рукописи

Родионова Лариса Петровна

Прецедентные и аллюзивные имена собственные в ранних романах А.О. Белянина

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

Смоленск
2018

Работа выполнена на кафедре русского языка федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Смоленский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»
Королева Инна Александровна

Официальные оппоненты:
Леденёва Валентина Васильевна, доктор филологических наук, профессор, ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет», профессор кафедры современного русского языка
Ланге Нина Витальевна, кандидат филологических наук, доцент, ВА ВПВО им. Маршала СССР А.М. Василевского, доцент кафедры русского языка

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»**

Защита состоится 28 сентября 2018 г. в 16.00 на заседании диссертационного совета Д.212.254.01 при ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» по адресу: 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» по адресу: 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 2 б и на сайте ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» http://smolgu.ru/files/doc/D212_254_01/disser/Rodionova.PDF.

Автореферат разослан_____2018 г.

Ученый секретарь диссертационного совета, доктор филологических наук, профессор Л.В. Павлова

Общая характеристика работы

Реферируемое диссертационное сочинение посвящено исследованию ономастической лексики в ранних романах одного из основоположников современного русского юмористического фэнтези А.О. Белянина. Выбор темы не случаен.

Работа с именами собственными (ИС) в последние годы входит в комплекс проблем современного языкознания в рамках лингвистики текста в целом и литературной ономастики в частности. ИС составляют значительную часть лексики любого языка, активно используются практически в любом тексте, поэтому заслуживают самого пристального лингвистического изучения.

Согласно классификации одного из видных российских ономастов В.Д. Бондалетова, все антропонимические исследования проводятся в пяти основных направлениях [Бондалетов 1983, с. 93-95]. Эти же направления можно выделить и для изучения любых других разрядов онимов. Литературная ономастика, изучающая имена собственные в художественном тексте и фольклоре, в настоящее время является одной из приоритетных областей исследования.

Есть литературные жанры, в которых ИС изучены достаточно основательно (в первую очередь, классика), однако современная литература с ономастической точки зрения почти не исследована. Среди произведений русской классики особенно подробно проанализирована ономастическая составляющая текстов Пушкина [Баевский 1989; Михайлов 1976, 1979; Калинкин 1998, 1999, 2006; Ковалёв 1999, 2012 и др.], Гоголя [Катермина 2003; Левкиевская 1994; Тихомирова 2000, 2004], Толстого [Альтман 1980; Силаева 1977, 1990 и др.; Феркель 2008], Достоевского [Альтман 1976 и др.; Белов 1976; Бондаренко 2004; Коротких 2004; Скуридина 2007], Лескова [Барковская 2004; Ляпидевская 2007; Мудрова 2008;], Тургенева [Аюпова 2006, 2010; Новикова-Строганова 2010; Суханова 2007], Салтыкова-Щедрина [Таич 1969, 1974; Черемисина 1958].

Естественно, ономастами исследована и советская литература. Можно отметить работы по описанию ИС в произведениях Горького [Борцова, Гусарова 1980; Турута 1992; Фёдоров, Фонякова 1975], Булгакова [Багирова 2009; Ковалёв 1996; Колышева 2008; Кондакова 2001, 2001 а; Феркель 2006], Шолохова [Громова 1981; Данилова 2002, 2010; Семёнов 2001], Замятина [Захарова 2004, 2007; Отин, Максимова 1997], Пастернака [Ивашутина 2004; Пудова 2007; Романова 1997; Степанян 2010], Зощенко [Куляпин 2004], Шукшина [Бодрова 1988; Воробьёва 1991; Труфанова 2005]. Широкий интерес ономатологов привлекло наследие писателя-эмигранта В.В. Набокова [Боброва, Комарова 2002; Двинятин 1996; Десятов 2004; Кравченко 2003; Неваленная 2007].

С ономастической точки зрения проанализированы поэтические тексты Блока [Безродный 1986; Мысык 1988, 1989], Маяковского [Муренкова 2007; Подгаецкая 1962, 1963; Пузырев 1977], Бродского [Кондрашова, Загороднева 2004; Кюйст 2004; Худайбердина 2008, 2010; Черниченко 2004], Высоцкого [Кормилов 1999], Твардовского [Королёва 2010, 2012; Никитина 2006 и др.], Исаковского [Курс 2013], поэтов «второго плана» Смоленской поэтической школы [Иванова 2009, 2012].

Постперестроечный этап литературы в ономастическом плане изучен гораздо меньше. Следует назвать лишь единичные статьи по ономастике Т. Толстой [Баранова 2007; Баранова, Фомин 2010; Иванютина, Кайзер 2007; Страхова 2006], Л. Петрушевской [Бодрова 2008; Маркова 2002, 2007; Петрат 2003], Л. Улицкой [Вихорева 2004; Мордвинова 2006; Позднякова 2004], В. Пелевина [Алтухова 2003, 2004; Балханов, Имихелова 2006; Белоконева 2009]. Можно отметить, что есть работы по изучению ИС в произведениях советской фантастики: в частности, необходимо указать на работы, в которых исследована ономастика произведений братьев Стругацких [Белоусова 2002; Вельмезова 2010; Ипполитов 1998; Тельпов 2007, 2008; Яковлева 2009, 2010], однако это лишь фрагментарные статьи.

О.В. Врублевская, которая проанализировала «языковую моду» в русской ономастике, отметила популярность у читателей современных литературных жанров – фантастики и фэнтези [2017, с. 14]. Новый жанр фэнтези, пользующийся спросом у молодёжи, следует изучать и в языковом, и в лингвокультурологическом аспектах. О востребованности фэнтези свидетельствуют, например, молодёжные читательские блоги, интернет-объединения поклонников фэнтези. Популярность у молодёжной аудитории таких литературных произведений, как «Гарри Поттер» Дж. К. Роулинг и «Властелин Колец» Дж. Р. Толкиена, выявляет потребность в сказке и волшебстве. Следует отметить, что появилась первая лингвистическая диссертационная работа, посвящённая анализу идиостиля Д. Емца, основоположника российского «хулиганского» фэнтези, во многом сопоставимого с романами Дж. Роулинг [Чугунова 2017]. Это ещё раз свидетельствует о необходимости исследований языка произведений жанра фэнтези, об актуальности заявленной темы.

Объектом исследования настоящей диссертации являются имена собственные в текстах ранних романов А.О. Белянина с точки зрения их прецедентности и аллюзивности. **Предмет исследования** – языковые и внеязыковые процессы, имеющие место при организации системы ИС в художественном тексте фэнтези и формирующие такие явления, как прецедентность и аллюзивность.

Источниками исследования являются ранние романы А.О. Белянина, в которых формировались основные черты его идиостиля, оттачивалась специфика выбора имён собственных, используемых для реализации творческого замысла автора. Это следующие романы: «Моя жена – ведьма» (1999) (471 с.), «Сестрёнка из преисподней» (2001) (374 с.), «Тайный сыск царя Гороха» (1999) (238 с.), «Заговор чёрной мессы» (1999) (240 с.), «Рыжий рыцарь» (2001) (464 с.), «Охота на гусара» (2004) (314 с.). Общий объём текстов составляет 2101 страница.

Цель исследования – комплексный анализ системы прецедентных и аллюзивных имён собственных в ранних романах А.О. Белянина, выявление их роли в семантической и структурной организации текстов фэнтези, реализации авторских интенций, направленных на выражение идейно-тематического содержания произведений.

Поставленная цель предполагает решение нескольких **конкретных задач:**

1. Определить теоретические основы диссертации.

2. Выявить все коннотативно наполненные онимы, распределить их по выбранной классификации.

3. Рассмотреть прецедентные и аллюзивные ИС, входящие в разряды антропонимов, мифонимов и топонимов в лингвистическом, социолингвистическом, лингвокультурологическом и функционально-стилистическом аспектах, очертив ирреальный план фэнтези.

4. Обозначить разноаспектные коннотативные единицы в их соотнесённости с прецедентными источниками, показать способы репрезентации в текстах романов.

5. Проанализировать мотивацию Белянина при выборе прецедетных и аллюзивных онимов, определить их роль в выражении авторской позиции и оценки.

6. Выявить и описать основные стилистические приёмы А.О. Белянина, применяемые им в употреблении ИС.

В работе использованы следующие основные **методы**:

- описательный метод, предполагающий чёткое представление об объекте и предмете исследования систематизацию эмпирического материала, его классифицирование, качественно-количественную характеристику в лингвистическом и экстралингвистическом планах;

- стилистический метод, включающий в себя разнообразные лингвостилистические и комплексные филологические приёмы и методики;

- сравнительно-сопоставительный метод, использующийся при анализе ономастикона различных текстов Белянина;

- статистический метод, применяющийся при количественных подсчётах ИС и составлении таблиц их частотности;

- контекстуальный анализ, в котором учитывается семантическое окружение имени для определения его семантико-функциональной структуры.

Научная новизна исследования состоит в том, что:

- впервые проведён анализ прецедентных и аллюзивных онимов в романе ведущего представителя нового жанра фэнтези Андрея Белянина, используемых автором для воссоздания ирреального мира юмористического фэнтези;

- подробно описана структурно-семантическая составляющая лингвокультурологического наполнения имени собственного в тексте ранних романов-фэнтези А.О. Белянина;

- проанализировано влияние языковой ситуации начала XXI века на формирование языковых особенностей авторского стиля Белянина;

- сделана попытка введения нового имени автора в литературный контекст эпохи.

Теоретическая значимость работы состоит в углублении понимания языковой системности всего массива ономастического материала художественного текста, в описании и структурировании этой системы на материале впервые вводимого в научный оборот жанра юмористического фэнтези.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его результаты могут быть учтены в практике стилистического анализа текста художественного произведения, а также при дальнейшем изучении произведений жанра фэнтези. Полученные результаты могут быть использованы при чтении вузовских курсов лексикологии, стилистики, специальных дисциплин по проблемам языка художественного текста и ономастики. Фактический материал диссертации может найти применение в школьном курсе преподавания на уроках русского языка и литературы, в элективных и факультативных курсах для расширения информативного поля учащегося.

Гипотеза исследования. Среди ИС, упомянутых в романах, есть прецедентные и аллюзивные именования, которые позволяют проследить связь с предшествующими литературными произведениями, а также в идейно-содержательном плане выявить авторские интенции, направленные на создание языка нового жанра юмористического фэнтези. Именно система ИС (в основном антропонимов, мифонимов и топонимов) позволяет отразить существование разных фантастических миров, в целом воссоздать ирреальный мир, с помощью языковых средств показать основные характеристики главных героев, лингвокультурологическую наполненность текста, во многом отражающего константы русской и мировой культуры. Увлекательность и яркость текста, проявляющаяся в том числе в ИС, помогает привлечь внимание читателей, таким образом закрепить реализацию восприятия художественного произведения в направлении «писатель – имя – текст – читатель».

Положения, выносимые на защиту

1. Литературная ономастика, активно развивающееся в настоящее время направление, является областью лингвистики текста и вместе с тем находится в сфере влияния стилистики и поэтики, что позволяет говорить о важности смежных исследований, находящихся на стыке гуманитарных наук.

2. Художественные тексты Белянина ориентированы на современную читательскую аудиторию, являются образцом нового, практически не изученного, но актуального сегодня в социокультурном российском сообществе жанра фэнтези в его позитивном юмористическом варианте. Экстралингвистические факторы, обусловленные закономерными процессами, которые происходят в современном русском языке, играют важную роль для выбора прецедентных и аллюзивных имён.

3. Комплексное исследование ИС ранних романов А.О. Белянина в лингвистическом, социолингвистическом, лингвокультурологическом и функционально-стилистическом аспектах позволило выделить прецедентные и аллюзивные ИС и дало возможность проследить связь с предшествующими литературными произведениями. Ирреальный план фэнтези в основном реализуют коннотативно наполненные антропонимы, мифонимы и топонимы.

4. Разноаспектное рассмотрение системы прецедентных и аллюзивных ИС А.О. Белянина даёт возможность проанализировать мотивы выбора этих ИС автором и определить их роль в выражении его позиции и оценки.

5. Анализ системы частых и единичных прецедентных и аллюзивных ИС А.О. Белянина позволяет выявить особые стилистические приёмы введения ИС в контекст романа-фэнтези, использованные писателем для создания ирреального мира.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования проходили апробацию в виде выступлений на научных и научно-практических конференциях. По теме диссертации состоялись выступления на Международной научной конференции «Смоленск и Смоленщина в именах и названиях: история и современность», посвящённой 1150-летию со дня основания города Смоленска, 4-5 октября 2012 г., Смоленск, СмолГУ; на научно-практической конференции «Десятые Авраамиевские чтения» 1-2 ноября 2012 г., Смоленск, СГУ; на III Межвузовской научно-практической конференции «Ономастика в Смоленске: проблемы и перспективы исследования», посвящённой юбилею профессора И.А. Королёвой, 15 марта 2013 г., Смоленск, СмолГУ; на Международной научной конференции «Письменность и культура славянского мира» 22 мая 2016 г., Смоленск, СГИИ; на Международной научно-практической конференции «Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования» 4 апреля 2017 г., Смоленск, СмолГУ; на Международной заочной научно-практической конференции «Текст в культурном, историческом, языковом пространстве» 19 марта 2017 г., Москва, МФЮА; на научно-практической конференции «Письменность и культура славянского мира» 24 мая 2017 г., Смоленск, СГИИ; на научно-практической конференции «Русский язык в современном мире» 25 мая 2017 года, Смоленск, ВА ВПВО ВС РФ; на V Межвузовском молодёжном научно-практическом семинаре «Язык и личность в культуре: история и современность» 21 ноября 2017 г., Смоленск, ВА ВПВО ВС РФ; на Международной научно-практической конференции «Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования» 24 апреля 2018 г., Смоленск, СмолГУ.

По материалам диссертации опубликовано 18 статей, из них 3 в ведущих рецензируемых научных журналах, включённых в перечень ВАК Минобрнауки РФ.

Структура диссертации: Диссертация состоит из Введения, четырёх Глав, Заключения, Библиографического списка и двух Приложений. Общий объём исследования составляет 192 страницы.

Основное содержание работы

Во **Введении** обоснована тема исследования, названы его объект и предмет, указаны новизна, цель, задачи и методы, теоретическая и практическая значимость, обозначена апробация, выдвинуты гипотеза и положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Проблемы литературной ономастики», состоящей из восьми параграфов, формулируются исходные теоретические позиции исследования.

В первом параграфе комментируются различные определения ономастики как особой области языкознания, так как в настоящее время появилось несколько точек зрения на сущность этого понятия.

Практически каждый реальный объект (а зачастую – и вымышленный) имеет или может иметь своё наименование. Имена собственные, несомненно, относятся к специальной лексике, а ономастическая система входит в ономастическую систему языка в целом [Суперанская 2009, с. 8].

ИС функционируют в социуме и активно реагируют на происходящие в нём изменения, поэтому они, как правило, служат хронологизаторами текстов. В силу особой консервативности ИС они переживают эпоху, в которую были созданы, сохраняя свидетельства более древнего состояния языка, и содержат большую языковую и внеязыковую информацию, получить которую можно только лингвистическими методами [Никонов 1974, с. 6-7].

Если обратиться к функциональной стороне ИС, то основными его функциями являются номинативная, идентифицирующая, дифференцирующая; также ИС имеют дополнительные функции: социальную, эмоциональную, кумулятивную, дейктическую, функцию «введения» в ряд, адресную, экспрессивную, эстетическую, стилистическую [Суперанская 1973]. Именно функциональная сторона рассмотрения ИС актуальна для литературной ономастики.

Во втором параграфе рассматривается литературная ономастика как особое направление и анализируются сферы её исследований.

Обращается внимание на терминологически разные названия: литературная, литературно-художественная, художественная, поэтическая, ономастика художественного текста. В настоящей работе используется термин литературная ономастика как наиболее употребительный.

Длительное время литературная ономастика интересовала исследователей как прикладная дисциплина, востребованная, как правило, при публикации различных комментариев к художественным текстам, при составлении словарей ИС к художественным произведениям. В настоящее время проблема изучения ИС в художественных текстах актуализировалась и стала пониматься шире и глубже указанных выше прикладных задач.

Современная литературная ономастика – комплексная область исследования; будучи языковой по сути, она вместе с тем существует на стыке ономастики со стилистикой, поэтикой, лингвистикой текста, лексической семантикой. Литературная ономастика изучает особенности употребления ИС в тексте художественного произведения и за его пределами. Данное направление исследует отражение элементов реальной и вымышленной ономастики, совокупность которых составляет ономастикон художественного текста.

Особо отмечается, что в произведениях жанра фэнтези писатель обладает большей свободой в создании ИС в отличие от произведений других жанров. Для онимов в жанре фэнтези очень важен экстралингвистический фон, который сопровождает их бытование, в значительной степени зависит от эстетической позиции автора, от его эрудиции, общей культуры. Соответственно в художественном произведении фэнтези онимы могут нести на себе ярко выраженную смысловую нагрузку, иметь необычный звуковой облик, обладать скрытым ассоциативным смыслом.

В третьем параграфе рассматривается вопрос о значении имён собственных в языке и художественном тексте; комментируются три точки зрения на эту дискуссионную проблему.

Представители первой (О.С. Ахманова, А.А. Реформатский, Н.Д. Арутюнова и др.) утверждают, что ИС не обладают лексическим значением, называют их асемантичными. Представители второй точки зрения (С.И. Зинин, А.В. Суперанская, Э.Б. Магазаник и др.) считают, что ИС имеют своё лексическое значение, но только в определённой речевой ситуации. Существует и третья точка зрения (В.А. Никонов, Ю.А. Карпенко, О.И. Фонякова, Г.Ф. Ковалёв и др.), представители которой полагают, что ИС имеют значение и в языке, и в речи, однако оно иное в сравнении со значениями нарицательных слов. Именно это отличие и обеспечивает онимам специфику в языке / речи и объединяет их в особую подсистему в общей лексико-семантической системе языка [Бондалетов 1983, с. 26-27].

Проанализировав приведённые доводы, мы считаем, что наиболее объективной и мотивированной является вторая точка зрения, и присоединяемся к ней. Третья точка зрения, скорее всего, также достаточно объективна, но всё же специфическое значение имён собственных реализуется именно в речи и во многом проявляется в конкретной коммуникации. Наиболее значимым аспектом реализации лексического значения ИС в речи является художественный текст. В нём ИС выступает как одно из средств его структурно-семантической организации и становится предельно информационно-насыщенной единицей в речи каждого коммуниканта (читающего или говорящего). Именно таким образом в литературной ономастике и организуется связь звеньев цепи «*писатель – имя – текст – читатель*».

В четвёртом параграфе мотивируется выделение разрядов ИС и их классифицирование.

ИС, которые номинируют многочисленные объекты реального и нереального мира, неоднородны по своим свойствам и качествам, поэтому в их массиве выделяются отдельные разряды, имеющие специфические черты. На основе этого факта онимы должны быть классифицированы, и вопрос об их классификации является одним из главных в ономастике. Наиболее известны классификации А.В. Суперанской [1973], В.Д. Бондалетова [1983], Н.А. Максимчук [2002] и др. Однако ни одна из существующих классификаций не может быть универсальной, так как они строятся по разным направлениям: по степени распространённости наименований; по хронологическому принципу; по принципу связи с именуемым объектом. Последнее направление – приоритетное.

Особенно трудно использовать какую-то одну классификацию при анализе ономастикона художественного текста, так как в нём использованы разные разряды ИС, в разном воплощении, в разной степени соотнесённости с реальным ономастиконом и т.д. И тем не менее в художественном тексте можно выделить общепринятые разряды ИС, хорошо описанные в «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской [1978].

Подробно представлена характеристика тех разрядов ИС, которые наиболее значимы и активны в исследовании романов-фэнтези. Во многом на

употреблении тех или иных разрядов ИС основываются специфические приёмы А.О. Белянина в использовании ономастической лексики.

В пятом параграфе рассматриваются теоретические основы подачи антропонимической лексики в художественном тексте. Подчёркивается, что антропонимы по-разному функционируют в произведениях разных жанров, и поэтому вопрос об их особенностях, позволяющий выявлять скрытые смыслы текста, толкование подтекста, входит в число важных проблем антропонимики.

Отмечая функции имён собственных в художественном тексте, известный ономатолог Ю.А. Карпенко (и мы присоединяемся к этой точке зрения) выделил две главные стилистические функции: информационно-стилистическую и эмоционально-стилистическую. ИС, обладающие информационно-стилистической функцией, передают информацию о национальной принадлежности, социальных, идеологических, психологических, этнических и других параметрах именуемого. Эмоционально-стилистическая функция позволяет ИС вызвать у читателя определённые чувства, эмоции, характеризующие его отношение к изображаемому. Антропонимы – это главные маркеры персонажей, и поэтому велика роль контекста в выявлении их специфики.

Особое внимание обращается на повышенную ассоциативность имён собственных. Это свойство связано с особой природой онимов. Стилистическая экспрессия в такого рода номинации возникает благодаря семантической двуплановости ИС: этимологическое значение основы совмещается с собственно ономастическим, ИС становится «говорящим», оценочным и двуплановым.

В шестом параграфе рассматриваются теоретические основы подачи топонимической лексики в художественном тексте.

Изучение топонимической лексики в художественном тексте вызывает значительный интерес, так как она представлена (особенно в прозаических текстах), как правило, в достаточном объёме, системно организована, может соотноситься как с реальными географическими объектами, так и с выдуманными автором. Таким образом, в художественном тексте выделяется реальная топонимика и вымышленная топонимика; и та, и другая имеют большое значение для формирования хронотопа текста.

Использование топонимической лексики зависит от жанра текста и от литературного направления. Так, в реалистических текстах рассказов, повестей, романов зачастую имеют место точные географические координаты, позволяющие представить себе конкретное место действия произведения. Имеет место биографизм в использовании географических названий. В таких же жанрах, как, например, фэнтези, преобладают вымышленные топонимы, либо созданные автором, либо взятые им из лингвокультурологических текстов (мифов, сказок, других фантастических текстов). Иными словами, в составе топонимической лексики фэнтези преобладают индивидуально авторские образования и мифотопонимы, как правило, прецедентные.

В седьмом параграфе описываются мифонимы как один из главных разрядов ИС в жанре фэнтези. В нём крайне редко попадаются научные термины, зато встречаются имена сказочных героев, известных ранее, а чаще

похожих на именования известных персонажей, но в другом воплощении, изменённые авторским воображением.

Мифоним по классификации ИС – имя любого объекта ономастического пространства в мифах и сказках, в том числе мифоантропоним, мифозооним, мифофитоним и др. [Подольская 1978, с. 124]. В легендах и мифах описывается немало феноменов, никогда на свете не существовавших, но в реальности которых люди не сомневались, в которых верили, как в живых. Именно поэтому многие мифонимы являются прецедентными ИС.

Как правило, мифонимы являются именами-символами, прецедентными не только для мирового фольклора, но и для всей мировой культуры; с ними ассоциируются устойчивые образы. Писатель, соблюдая фольклорную традицию, наполняет эти образы новым содержанием, что позволяет через восприятие традиционного ассоциативно-культурного фона, в который вплетаются новые, авторские аллюзии, создать фантастические, но хорошо узнаваемые читателем персонажи. Поэтому мифы разных народов и мифонимы, в них содержащиеся, обязательно имеют национальный колорит. В русском фэнтези, в частности у Белянина, наиболее яркими и прецедентными являются образы русской культуры и мифонимы, обозначающие персонажей русских сказок.

В восьмом параграфе ставится и анализируется дискуссионный вопрос о прецедентности и аллюзивности ИС и их ассоциативно-культурном фоне.

Художественная литература существует в интертекстуальности. Как полагает И.П. Смирнов, интертекстуальность – способность текста полностью или частично формировать свой смысл посредством ссылки на другие тексты [Смирнов 1995]. В свете интертекстуальности каждое созданное автором произведение в той или иной мере содержит в своём составе отсылки на уже существующие. Отсылочными элементами могут являться прецедентные феномены и аллюзии, которые рассматриваются как языковые способы реализации категории интертекстуальности в любом тексте.

Понятие *прецедентный* появилось в лингвистических работах конца XX века. Как прецедентные определяются тексты, высказывания, ситуации и имена. Прецедентное имя – это знак, символ, хорошо знакомый практически любому представителю лингвокультурного сообщества, обращение к которому позволяет актуализировать в сознании носителя определённый образ.

В научной литературе ставится вопрос: что прецедентно – имя или образ? Как отмечает А.В. Суперанская, прецедентность складывается на основе образа, который абстрагируется от реального человека или придуманного автором [Суперанская 2008, с. 40]. Именно сложившийся образ позволяет использовать прецедентные имена каких-либо людей или вымышленных героев в качестве сравнения при описании других людей или героев.

Как видим, не совсем чётко различаются понятия образ и имя. Можно уточнить, что прецедентная единица текста (знак) имеет две стороны: план содержания, то есть образ, который имеется в тексте, и план выражения, то есть ИС, использующееся для обозначения этого образа.

Общепризнанная сегодня трактовка ИС как культурного знака предполагает наличие у онима определённого внеязыкового содержания, которое формирует-

ся, прежде всего, сведениями энциклопедического толка [Максимчук 2002, с. 357]. Эти сведения составляют ассоциативно-культурный фон ИС (АКФ).

С интертекстуальностью и прецедентностью связано выделение аллюзий как средства выражения авторской интенции. Аллюзия функционирует в тексте в качестве «расширенного переноса свойств и качеств мифологических, библейских, литературных, исторических персонажей и событий на те, о которых идёт речь в данном высказывании» [Петроченко, Коваленко 2005, с. 192]. Любое аллюзивное слово выступает как своеобразный знак, символ в определённой текстовой ситуации, с которой посредством ассоциаций соотносится рассматриваемый текст, содержащий аллюзии. Аллюзию мы рассматриваем как стилистическое средство, выражающее авторскую идею в сжатой, краткой форме и авторскую оценку.

Аллюзивными часто бывают имена собственные. Модель аллюзивного процесса с участием онимов включает две составляющие: кодирование информации автором и декодирование её читателем. Процесс кодирования информации автором обусловлен потребностью в передаче дополнительных смысловых пластов в тексте. Процесс декодирования информации читателем предусматривает нахождение конструктивного принципа структуры авторской модели и выявление имплицитной информации, которую хотел выразить автор, с опорой на стилистически маркированные смысловые центры текста [Горнакова 2010, с. 64]. Таким образом, интерпретация аллюзий должна быть такой, которая помогла бы читателю понять скрытые смыслы в их авторской интенции.

Во второй главе «Прецедентные и аллюзивные антропонимы в творчестве А.О. Белянина» комплексно анализируются основные антропонимы, формирующие систему называния персонажей и передающие разнообразные скрытые авторские смыслы и оценки. Глава состоит из пяти параграфов.

В первом параграфе даётся общая характеристика ранних романов жанра фэнтези Белянина, основоположника юмористического направления. Именно в ранних текстах закладываются основные черты его идиостиля.

Во втором параграфе анализируются прецедентные и аллюзивные именования героев одного из лучших ранних романов – «Моя жена – ведьма». **Три следующих параграфа** главы рассматривают прецедентные и аллюзивные антропонимы, маркирующие героев романов «Тайный сыск царя Гороха» и «Заговор чёрной мессы» (2.3), романа «Охота на гусара» (2.4) и романа «Рыжий рыцарь» (2.5).

Рассмотрев систему персонажей этих текстов в антропонимическом аспекте, мы пришли к следующим выводам.

Все именования условно можно разделить на две группы по их образованию. К первой группе мы отнесли имена, существующие в реальном русском именнике: Сергей, Наталья, Валерий, Илона, Никита и др. Несмотря на то что эти имена реальны, в текстах Белянина все они прецедентны и аллюзивны. Каждый герой, носящий, на первый взгляд, обыкновенное имя, у читателя вызывает ассоциацию с хорошо известным именем в русском культурном пространстве. Так, главный герой дилогии «Моя жена – ведьма» и «Сестрёнка из

преисподней» поэт Сергей Александрович Гнедин ассоциируется с великим русским поэтом Сергеем Александровичем Есениным и русским поэтом и переводчиком Николаем Ивановичем Гнедичем. Аллюзия сформирована на основе сравнения по особенности совершаемого действия (поэтическое творчество): «*Я – поэт… Сергей… по отчеству Александрович*» [с. 37, 59 и др.]; по маркированному аллюзивному месту действия (Петербург): «*Ладно, заберу жену, вернусь в Петербург, там и поговорим…*» [с. 205].

Никита, герой романов «Тайный сыск царя Гороха» и «Заговор чёрной мессы» – Никита Иванович Ивашов, младший лейтенант милиции. Его приключения – это поиски правды через раскрытие фантазийных уголовных преступлений. У читателя возникает аллюзия на широко известные советские детективные телесериалы «Анискин» и «Следствие ведут ЗнаТоКи». Ассоциация возникает по роду деятельности, свойствам личности, характера и поведения героев: «*Доклад составлен младшим лейтенантом Ивашовым Н.И.*» [с. 8]; «*…врага докучливого, милиционера местного, участкового лукошкинского, сыскного воеводу Никиту Иванова!*» [с. 164]; «*Разрешите представиться: начальник милиции отделения города Лукошкино, младший лейтенант Ивашов Никита Иванович*» [с. 330].

Реальны также фамилии в ранних романах Белянина. Например, фамилия героини романа «Рыжий рыцарь» Илоны – Щербатова. Хорошо известна знаменитая русская княжеская фамилия Щербатовых, которая без изменения фонетического облика контекстуально антонимически обыгрывается автором в семантическом отношении – леди Илона ведёт себя далеко не как аристократка: «*Крестоносец вырвал из объятий тяжёлого занавеса рычащую леди Щербатову и, забросив её на плечо, ломанулся к выходу*» [с. 156]. И вместе с тем по мере развития сюжета в различных ситуациях проявляются её благородные черты: *«Улыбка леди Щербатовой лучилась прямо-таки неземным счастьем»* [с. 165]; «*Леди Щербатова невольно училась у рыцаря аристократическим манерам»* [с. 188]. Фамилия героя этого же романа Валерия – Люстрицкий; фамилия искусственная, созданная автором по модели фамилий церковнослужителей. Также не меняя её фонетического облика, автор ситуативно, через употребление именования героя и семантического окружения показывает особые свойства личности Валерия: «*Томный Валера Люстрицкий, с присущим ему жеманством и лёгким прононсом, изо всех сил старался подражать хриплому баритону Высоцкого*» [с. 234].

Отдельно обратим внимание на реальные онимы из нерусского именника. Так, например, рыжий рыцарь Нэд Гамильтон носит обычное английское имя Эдмонд (сокращённая самая частая форма Нэд), что подчёркивает его типичность, которая поддерживается и реальной фамилией Гамильтон: «*Сэр Нэд Гамильтон – младший сын покойного лорда, рыцарь, поэт и крестоносец*» [с. 5]. И в этом случае Белянин не прибегает ни к какой языковой игре с именами собственными.

Вторая группа антропонимов – имена реальных исторических личностей, которые в текстах фэнтези, естественно, переосмысляются: Наполеон, Кутузов, Александр Первый, Чингисхан, Багратион, Денис Давыдов. Это герои одного

романа «Охота на гусара», который стоит особняком в ряду ранних произведений Белянина. Все исторические личности, включая главного героя, двуплановы. Они реальны и одновременно ирреальны, так как участвуют в самых разнообразных приключениях. Следует подчеркнуть специфику употребления этих прецедентных имён Беляниным: все они воспроизводятся без элементов языковой игры; оценка в основном даётся контекстуальным окружением имён собственных: «*Не вы ли отважный поэт-партизан Денис Давыдов?*» [с. 136]; «*Отслужив поминальный молебен о благодетеле моём, князе Багратионе*» [с. 84]; «*Весьма недурственно изобразил благородную позу нашего любимейшего государя Александра и нагло выпяченное пузо Бонапарта с правой рукой за обшлагом мундира*» [с. 99]; «*Уговорит ли Кутузов Наполеона идти старой Смоленской дорогой, даже если корсиканцу интереснее посмотреть на новую?*» [с. 71]; *«И вот в ту ночь, перед Бородином, привиделся мне мой знаменитый прапрапрапрадед, Великий Могол – Чингисхан!»* [с. 9].

Третья группа антропонимов – имена героев фильмов, мультфильмов: Терминатор, Мак-Грегоры, Мак-Дауны, Мак-Даки, Мак-Дональдс. Они не являются главными персонажами, но их присутствие углубляет комическое восприятие текста читателем, помогает герою в отдельных ситуациях (зачастую имеющих значение в развитии фантазийного сюжета), является маркером для перехода главных героев в ирреальный мир. Например, Терминатор в романе «Рыжий рыцарь» является символом-маркером для сравнения героя Нэда Гамильтона с современным положительным героем-роботом, отличающимся бесстрашием, неутомимостью и спокойствием. Главный маркирующий артефакт: «*новенькие тёмные очки самой модной формы, как у Терминатора*» [с. 171]. Второстепенные герои из клана Мак-Дональдсов и Мак-Даков: «*Храбрые шотландцы! Дети четырёх кланов – Мак-Грегоры, Мак-Дауны и Мак-Даки. – А Мак-Дональдсов нет?*» [с. 391] – отсылают читателя того же романа «Рыжий рыцарь» к героям современных мультфильмов и названию всемирной сети ресторанов быстрого питания, что создаёт комический эффект. Комический эффект имеет место без трансформации и обыгрывания звукового комплекса имени, а только ситуативно, по характеру действия.

Интересное переосмысление имён нарицательных и образование на их базе имён собственных отмечено нами в рассмотренных романах лишь однажды. Так, в романе «Рыжий рыцарь» в ряду второстепенных персонажей представлены Королева и Валет. Прослеживается чёткая ассоциация с игральными картами и шахматами, аллюзия, связывающая героев с прообразом, формируется на основе своеобразной социальной иерархии (Королева владеет замком, является знатной особой, а Валет – наследник престола, руководитель замкового войска, молодой по сравнению с Королевой). «*Королева встретила сына в своих покоях*» [с. 90]; «*Прости, мама, я слышал это уже сотню раз… - откровенно зевнул Валет*» [с. 76].

Итак, мы можем констатировать, что все аллюзивные имена выполняют сюжетообразующую, характеризующую, идентифицирующую и адресную функцию. Все аллюзивные имена реализуют скрытые смыслы текста. Безусловно, понимание этого смысла требует от читателя серьёзных энциклопедических знаний, чтобы интерпретировать ту информацию, которая содержится в ИС по мысли автора.

Третья глава диссертации посвящена анализу **прецедентных и аллюзивных мифонимов** в ранних романах А.О. Белянина. Она состоит из пяти параграфов, в которых рассматриваются мифонимы различных культур: славянской (3.1), скандинавской (3.2), античной (3.3). **В четвёртом параграфе** проанализированы именования условно-мифических персонажей. **В пятом параграфе** представлены библейские мифонимы.

В текстах Белянина мифонимический пласт ИС является самым значимым для реализации авторских интенций.

В частности, ярко прецедентными являются мифонимы, связанные с русской культурой, широко известные читателю по текстам русских сказок. Баба Яга, Кощей Бессмертный, царь Горох фактически являются главными персонажами текста, так как активно участвуют в приключениях героя (Никиты Ивашова), а их именования сразу же вызывают в сознании читателя «сказочные образы»: «*А старушка-то* (Баба Яга) *всё ещё в силе, – искренне удивился царь, – мне говорили, что она в молодости знатная колдовка была. В лесу дремучем избушку на курьих ножках имела, в ступе по небу летала, помелом погоняя. С самим Кощеем Бессмертным дружбу водила…*» [с. 73]; «*Судя по детским сказкам, Кощей являлся классическим преступником, обладал как колдовской, так и огромной физической мощью, периодически посылал куда-нибудь войска, крал Василис Прекрасных и достаточно регулярно убивался. В смысле бывал убит, в основном разными Иванами-царевичами. <…> В каждой новой сказке Кощей Бессмертный воскресал, даже не помня, что когда-то был лишён жизни несколькими богатырями*» [с. 153]; «*Крепкий неглупый мужик* (Горох) *с густой бородой и прогрессивным взглядом на жизнь. Когда он узнал, кто я и чем занимаюсь, то сразу же предложил создать столичное управление милиции, а меня назначил туда воеводой*» [с. 11]. Эти образы, с одной стороны, традиционны для русской сказки, а с другой стороны, трансформированы Беляниным в соответствии с современным их воплощением, что позволяет соединить две плоскости: реальную и ирреальную, а также создать определённый комический эффект. Особо подчеркнём, что Белянин – основоположник современного русского юмористического фэнтези, и поэтому мифонимы, связанные с героями русских сказок (героями романов) во многом служат созданию светлого юмористического позитивного начала.

Второй пласт прецедентных ономастических единиц – скандинавский; в количественном выражении их больше (Один, Фрейя, Тор, Браги, Локки и др.), однако в тексте романа «Моя жена – ведьма» они присутствуют только в реальности Валгаллы: «*Откуда ты появился, ворлок Сигурд, который не боится призвать всесильную богиню смерти Чёрную Хельгу?*» [с. 189]. Особо следует отметить, что Белянин не трансформирует мифологические образы скандинавского эпоса, а использует их в том воплощении, в котором они известны подготовленному читателю (поэтому употребляются прецедентные мифонимы, в звуковом облике которых нет языковой игры). Цель Белянина – создать в ирреальном мире приключений героя своеобразную «реальность» фантастического мира Валгаллы.

Группа мифонимов, связанных с античной культурой, также многочисленна (Аид, Орфей, Цербер, Харон и др.). Сконцентрированы они в тексте только

одного романа – «Сестрёнка из преисподней». Цель автора – эпизодически вводить героев античных мифов в приключения Сергея. Античными мифонимами называются второстепенные персонажи, которые трансформируются автором, поэтому зачастую аллюзивны. Так, фантазийный Цербер отличается от древнегреческого. Аллюзия вызывает в сознании читателя целый ряд признаков, в основном через атрибуты (ошейник, цепь, намордники, описание внешности): «*Цербер был надежно привязан ярким синтетическим поводком к массивному каменному кольцу в стене. А приглядевшись попристальней, я обнаружил на каждой из ужасных голов стальной намордник. Кто-то основательно позаботился о максимальном обезвреживании адского пёсика*» [с. 147].

Интересен образ Орфея. В мифе Орфей – сладкоголосый певец, у Белянина Орфей тоже певец, но далеко не сладкоголосый. Автор «осовременивает» Орфея: он представлен сатирически как певец рок-н-ролла, то есть напористый, агрессивный, ругающийся, разрушающий свою лиру – гитару: «*Орфей?! Тот самый?! Живая легенда рок-н-ролла!*» [с. 150]; «*Орфей подскочил к нам с белым от ярости лицом <…>, закатил глаза и начал рвать на себе волосы. Лавровые листики вперемешку с золотыми прядями так и замелькали в воздухе!*» [с. 151].

Ещё раз подчеркнём, что аллюзия является основой для сравнения героев мифа и героев Белянина, для выражения авторского отношения, а также для создания комического эффекта. Некоторые мифонимы использованы Беляниным эпизодически для реализации функции контрастности: персонажи антонимичны по своим действиям тем образам, которые существуют в греческих мифах: Сизиф отдыхает на скале вместо того, чтобы толкать камень; Тантал пожирает фрукты, до которых не мог дотянуться.

Особо представлены в дилогии «Моя жена – ведьма» и «Сестрёнка из преисподней» два персонажа, антагонисты по своей сути, именования которых мы условно отнесли к библейским мифонимам. Это Анцифер и Фармазон, ангел и чёрт. Оба именования созданы самим Беляниным, что нехарактерно для автора, но в паре они воспринимаются именно как библейские персонажи, а их имена как библейские мифонимы.

Имя Анцифер отсылает к библейскому мифониму Люцифер («несущий свет») и переводится как «несущий пользу». Имя Фармазон создано фантастом по другой модели, не связано с Библией, противопоставлено библейским персонажам. В словаре В.И. Даля находим лексему *фармосОн* «вольнодумец, безбожник», имеющую помету «бранное» [Т. 4, с. 532]. Там же как синонимы даны слова *масОн* и *франкмасОн* с пояснением, что так зовут вольнодумцев, государственных и церковных [Т. 2, с. 303]. Отмечено в Слове и существительное *франкА* «карта, отхоженной, отыгранной масти, старшая из наличных» [Т. 4, с. 538]. На основании анализа лексикографического материала можно предположить, что вольнодумец, безбожник – это человек, который не признаёт ограничений, для которого жизнь игра, который может обмануть. Таким образом, приведённый материал позволил выявить переносное значение лексем *фармосОн, фармазОн, франкмасОн* – «мошенник»: главной стала сема «обман» [Быков 1994, с. 193]. Отметим фонетические процессы аканья и озвончения глухого согласного перед гласным.

В тексте романа для характеристики беса-искусителя Белянин использует переносное значение слова *фармазон*, поскольку авторский Фармазон предприимчив и ловок, предлагает нестандартные решения проблем под видом отвлечения от правильного пути. По определениям, заменяющим имя, хорошо воспроизводится оценка: *мерзавец с хвостиком, рогатый интериган, махровый авантюрист, чёрный друг*.

Фармазон ярко «осовремененный» персонаж, о чём свидетельствует его богатая экспрессивная лексика: «*Ввиду чрезвычайности положения катастрофически прошу всех – заткнитесь, дорогие! Сейчас Серёга, друган мой, новый стих на публику читанёт. Слабонервным и беременным деликатно напоминаем – пошли вон из зала!*» [с. 465]. Ангел Анцифер более сдержан и интеллигентен, о чём также свидетельствует его речь и обращение к герою: «*Сергей Александрович, примите мои искренние аплодисменты за столь великолепно разыгранную партию заморского гостя. Вы сразили всех!*» [с. 167].

Также закономерно присутствуют прецедентные имена демонов библейской мифологии – Велиар и Вельзевул, которые не трансформированы автором, воспринимаются как враги героев романов, что соответствует их реальной сущности. «*Повелитель мух?* (Вельзевул) – *скривился батюшка, сдерживаясь, чтобы не плюнуть от омерзения. – Один из верховных демонов ада, бес очень известный, силы немереной и честолюбив до крайности. Те, кто вызывает его, редко остаются живы, ибо свиреп он и коварен зело. К почитателям своим в образине мухи огромной является*» [с. 451]. В сознании читателя возникает образ демона через ключевое словосочетание «повелитель мух», позволяющее осознать прецедентное имя и понять контекст.

Глава четвёртая – «Прецедентные и аллюзивные топонимы в ранних романах А.О. Белянина» – посвящена описанию главных маркеров хронотопа текстов, позволяющих автору воссоздавать реальное и ирреальное пространство, в котором происходят приключения героев, обозначать реальный и ирреальный мир и переход в эти миры. Глава состоит из трёх параграфов.

Первый параграф рассматривает своеобразные антонимические топонимы-символы – Петербург и Город. Эти символы встречаются в дилогии «Моя жена – ведьма» и «Сестрёнка из преисподней».

В целом автором своеобразно интерпретирована традиция русской литературы – воспринимать город на Неве как «петербургский миф». Этот миф хорошо рассмотрен в литературоведческих работах [Лотман 1984; Назиров 2005 и др.]. С одной стороны, Петербург – самый европейский город России, богатый, блестящий, пышный. С другой стороны, это город контрастов, противоречий, бедности простого народа. Также следует отметить, что это мистический город, искусственный, не имеющий корней и истоков. Можно сказать, что в названии Петербург реализуется знаменитый «мифологический петербуржский код»; как считает Лотман, город фактически лишён истории, что порождает бурный рост мифологии. Возможно, поэтому у каждого выдающегося писателя-классика Петербург обязательно присутствует, является героем, но воспринимается и показывается по-разному (у А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и др.).

У Белянина в романе «Моя жена – ведьма» Петербург понимается как безопасное, спокойное и уютное место, лишённое всякой магии, что вступает в

противоречие с «петербургским мифом». В Петербург Сергей и Наташа мечтают вернуться в минуты отдыха в Тёмных мирах. Название употреблено в романе 5 раз, упрощённое разговорное Питер – 3 раза: «*Надо возвращаться в Питер*» [с. 103]; «*Ладно, заберу жену, вернусь в Петербург, там и поговорим…*» [с. 205]. Аскетичная обстановка Валгаллы вызывает у Сергея сравнения с родным городом: «*Видимо, в моей памяти прочно засели роскошные залы петербургских дворцов*» [с. 151]; «*…пойдём устраивать вечер петербургской поэзии в ближайшем фьорде*» [с. 148].

Между Петербургом начала пути и конца пути существует Город, который является местом перехода от реального к ирреальному. Это место, где правит магия, и одновременно читатель воспринимает его как абстрактный, но реальный город, имеющий отдельные черты сходства с Москвой, Петербургом и другими существующими городами. Название Город пишется автором с большой буквы, в романе «Моя жена – ведьма» упоминается 39 раз: это ИС, имеющее ключевую позицию. Город не нуждается в названии. Именно в этом обобщённо-абстрактном Городе автор упоминает реальные топонимы (*на Фонтанке, собор Василия Блаженного* и др.). Город кажется Сергею знакомым и родным, хотя раньше он здесь не бывал: «*Наверное, я много раз бывал здесь во сне, или Город действительно был извечным, живым и неповторимым существом, открывающим в душе каждого его личные тайные пристрастия и делающим всё, чтобы заполнить вакуум в человеческом сознании. Город был идеален!*» [с. 285].

А.О. Белянин, таким образом, показывает Город как волшебное, магическое место, населённое нечистой силой, и одновременно через семантическое окружение лексемы (в начале повествования не всегда используется большая буква) указывает на связь с Петербургом: *петербуржцы, извечный, живой, неповторимый, идеален.* Город (в дальнейшем это место всегда обозначается как выделенное из ряда других, а значит, название пишется с большой буквы) воспринимается читателем как небезопасный, но приятный для пребывания мир. В определённой степени «двуплановость петербургского мифа» поддерживается: с одной стороны, приключения героя могут привести его к гибели, он преодолевает трудности; с другой стороны, интуитивно находит верные решения проблем и без особых усилий приобретает сторонников.

Во втором параграфе главы проанализированы смоленские топонимы в романе «Охота на гусара». При написании романа А.О. Белянин опирался на «Дневник партизанских действий» подлинного Дениса Давыдова, которого он вывел в качестве главного героя своего произведения, и для подтверждения этой реальности он использует целый ряд конкретных топонимов, в основном связанных со Смоленщиной: *Андреяны, Балтутино, Белищино, Белкино, Бобры, Волочок, Воскресенское, Вязьма, Гаврюково, Дашковка, Долгомостье, Егорьевское, Знаменское, Кикино, Крутое, Ляхово* и др. Все топонимы сохраняют свой фонетический облик и, что не свойственно Белянину в других текстах, обозначают реальные смоленские места, которые можно найти на карте военных действий Отечественной войны 1812 года. Стоит обратить внимание лишь на одно название – *Мерлин*, фонетически преобразованное называние деревни Мерлино под Смоленском. Скорее всего, автор, узнавший о существовании такого населённого пункта в местах описываемого действия, воспользовался случаем

слегка изменить звуковой облик топонима, чтобы в «мистическом» месте подвергнуть героя самому мистическому приключению. Мерлин – имя древнего британского волшебника, легендарного наставника короля Артура, в его имени ударение на первом слоге. Мерлино – топоним, образованный по той же модели, что и Бородино, ударение падает на последний слог.

В третьем параграфе главы рассмотрены мифотопонимы в сказочном мире Валгаллы в романе «Моя жена – ведьма». Скандинавский эпос весьма значим для мирового, следовательно, и русского фэнтези, в частности, для Белянина. Путешествие Сергея именно в Валгаллу, скандинавский аналог Рая, предопределено многими факторами, большая их часть лежит вне плоскости ономастики. Приведём примеры мифотопонимов скандинавского эпоса, хорошо узнаваемые читателями, знакомыми с мифологией северных народов.

Асгард – скандинавская обитель богов. Её частью является Валгалла. Название образовано от именования богов – асов.

Мидгард – мир обычных людей, викингов. Как и в мифологиях других народов, у скандинавов мир людей – средний, срединный между верхним миром богов и нижним миром мёртвых и нечисти.

Нифльхель – царство мёртвых, названо по имени своей хозяйки Хель. Скандинавское царство мёртвых упомянуто всего однажды, но эпитетом *мрачный* подчёркнута его опасность, непривлекательность.

Топонимы в прозе Белянина занимают меньшее место, чем прочие разряды онимов, но тоже часто бывают прецедентными, показывают возможную неоднозначность, многоплановость мест действия. Сам Белянин, судя по биографическим сведениям, хорошо знаком как с изобразительным искусством, так и со сферой, отражающей культуру разных народов, и именно поэтому использует в своих романах для показа хронотопа топонимы, связанные со скандинавскими мифами.

Подводя итоги и суммируя выводы, мы можем выявить основные специфические характеристики использования прецедентных и аллюзивных ИС в ранних романах Белянина.

Жанр фэнтези предполагает наличие интертекста, так как в многочисленных фантастических приключениях героев обязательно должны содержаться отсылки к каким-то иным произведениям, чтобы расширить информативное поле самого художественного текста фэнтези, включить его в литературный контекст разных эпох и народов. Это подразумевает активное использование прецедентных текстов, прецедентных высказываний, прецедентных ситуаций и прецедентных имён собственных. В ранних текстах Белянина наиболее активны прецедентные имена собственные.

Помимо этого, интертекстуальность в юмористическом фэнтези проявляется и в использовании аллюзий как языкового стилистического приёма для выражения авторских интенций. Аллюзия в виде намёка, символа отсылает читателя к какому-то уже существующему в литературном или ином контексте образу, выявляет сходство на основе характеристик, свойств, действий, каких-то артефактов и т.д. Именно аллюзии создают широкие ряды ассоциаций, формируют ассоциативно-культурный фон, поэтому часто аллюзивными бывают

имена собственные. У Белянина наиболее активны прецедентные и аллюзивные имена, относящиеся к разрядам антропонимов, мифонимов и топонимов.

Среди ИС трёх названных разрядов предпочтение Белянин отдаёт мифонимам, в информативном поле которых содержится объёмная лингвокультурологическая информация, позволяющая автору активно передавать свою оценку героям и их приключениям. Часто используются мифонимы, связанные с русской культурой, что является важной характеристикой фэнтези Белянина. В отличие от Д. Емца, представителя «хулиганского фэнтези», в основном отсылающего читателя к прецедентам западной культуры, Белянин в значительной части своих произведений для создания фантастических сюжетов и ярких приключений героев пользуется мифонимами русских народных сказок. Отсылка к родной не только для автора, но и для читателя культуре делает мир фэнтези Белянина весёлым, позитивным в восприятии читателя. В отдельных романах, где путешествие проходит по разным мирам, использованы мифонимы скандинавского и античного эпоса, единичны библейские мифонимы.

Безусловно, Белянин использует языковую игру как приём для организации системы имён собственных, но трансформация ИС происходит далеко не всегда. Он делает прямые отсылки к прецедентным онимам, прозрачные намёки на аллюзивные имена, что тем не менее не делает его тексты примитивными. Автор использует такие маркеры, которые значимы для мифологии разных народов и зачастую хорошо узнаваемы, что позволяет читателю лучше понимать тексты и выстраивать «нужные» автору ассоциативные ряды. Часть онимов трансформирована, но обычно это фонетическая игра, незначительно меняющая облик слова с целью придания образу, который маркирован ИС, комичности. Иными словами, языковая игра используется как дополнительный стилистический приём.

А.О. Белянин свою оценку передаёт не только с помощью прецедентных и аллюзивных ИС, но и их семантического окружения. Для воссоздания образов важны определения, выраженные именами прилагательными и причастиями, и приложения, выраженные именами существительными. Таким образом, большое значение имеет контекстуальный анализ, который обязателен при прочтении текстов Белянина, в отличие от того же Д. Емца, который активно использует языковую игру на уровне словотворчества (создание говорящих имён, фамилий, топонимов и пр.).

В использовании прецедентов и аллюзий проявляется широкая эрудиция самого автора, А.О. Белянина. Отсылки на интертексты свидетельствуют о его энциклопедических знаниях, в первую очередь, русской и мировой культуры. Помимо того, он хорошо знает современное искусство (музыку, кино, живопись, театр). Это также позволяет читателю через прецедентные и аллюзивные онимы, связанные с современным искусством, обычно неплохо знакомым читателю, выстраивать ассоциативные ряды для понимания идейно-тематического замысла автора.

Перспективой работы, на наш взгляд, является продолжение исследования творчества А.О. Белянина, то есть рассмотрение прецедентности и аллюзивности в его поздних романах. Это позволит проследить динамику развития творческой

манеры автора, его идиостиля на уровне имён собственных. Безусловно, можно выйти за уровень имён собственных и рассмотреть творческую речевую манеру автора на уровне прецедентности и аллюзивности нарицательной лексики, в частности, прецедентных высказываний.

Основные положения диссертации отражены в 18 публикациях автора:

Статьи в ведущих рецензируемых журналах, включённых в перечень ВАК Минобрнауки РФ

1. Прецедентные имена в современном русском фэнтези (на примере романов А.О. Белянина) // Известия Смоленского государственного университета. № 2 [38]. 2017. С. 171 – 179.

2. Специфика имён собственных в художественном тексте (на материале романов А.О. Белянина) // Мир науки, культуры, образования. Международный научный журнал. № 1 [62]. 2017. С. 317 – 320 (в соавторстве с И.А. Королевой).

3. Аллюзия как особый стилистический приём в художественном тексте // Известия Смоленского государственного университета. № 1 [41]. 2018. С. 125 –135.

Статьи, опубликованные в других изданиях

4. Связь творчества Андрея Белянина со Смоленщиной и фантастическими мирами через имена собственные // Смоленск и Смоленщина в именах и названиях: история и современность (к 1150-летию со дня основания города). Сборник статей по материалам докладов и сообщений конференции. Смоленск: СмолГУ, 2012. С. 206 – 211.

5. Новый жанр фэнтези: Андрей Белянин // Десятые Авраамиевские чтения (1 – 2 ноября 2012 г., Смоленск, СГУ). Смоленск: СГУ, 2013. С. 133 – 137.

6. Именования главных героев в романе Андрея Белянина «Моя жена – ведьма» // III Межвузовская научно-практическая конференция «Ономастика в Смоленске: проблемы и перспективы исследования», посвящённой юбилею профессора И.А. Королёвой (15 марта 2013 г., Смоленск). Смоленск: СмолГУ, 2013. С. 97 – 101.

7. Скандинавский эпос в романе «Моя жена – ведьма» // Scripta manent XXI. Сборник статей учёных-филологов. Смоленск: СмолГУ, 2015. С. 113 – 117.

8. Метаморфозы античного мифа в романе А.О. Белянина «Сестрёнка из преисподней» // Scripta manent XXII. Сборник статей учёных-филологов. Смоленск: СмолГУ, 2016. С. 141 – 145.

9. Реальный и ирреальный мир в романе «Моя жена – ведьма» // Международный научный теоретико-практический альманах, 2016. Смоленск: Изд-во ИП Борисова С.И., 2016. С. 123 – 125.

10. Образы и мотивы русских народных сказок в фантастической прозе А.О. Белянина // Славянский мир: письменность, культура, история. Материалы международной научной конференции «Письменность и культура славянского мира» (22 мая 2016 г., Смоленск). Смоленск: СГИИ, 2016. С. 114 – 121.

11. Реминисценции и прецедентные имена в новом воплощении в прозе А.О. Белянина // II Международные ономастические чтения имени Е.С. Отина,

Донецк, Украина, 2016 (электронный ресурс): http://azbuka.in.ua/wp-content/uploads/2016/10/2Чтения_им._Е.С._Отина_-Родионова.pdf (7 стр.).

12. Топонимическая лексика в художественном тексте (на примере фэнтези А.О. Белянина) // Текст в культурном, историческом, языковом пространстве. Материалы Международной заочной научно-практической конференции (19 марта 2017 г., Москва). М.: МФЮА, 2017. С. 342 – 346.

13. К вопросу о выделении и значении литературной ономастики // материалы международной научно-практической конференции «Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования» (4 апреля 2017 г., Смоленск). Смоленск: СмолГУ, 2017. С. 74 – 78.

14. Смоленские мотивы в романе А.О. Белянина «Охота на гусара» (уровень имён собственных) // Славянский мир: письменность, культура, история: материалы научно-практической конференции «Письменность и культура славянского мира» (24 мая 2017 г., Смоленск). Смоленск: СГИИ, 2017. С. 26 – 30.

15. Аллюзивные имена собственные в романе А.О. Белянина «Рыжий рыцарь» // Русский язык в современном мире: сборник статей по итогам научно-практической конференции (25 мая 2017 г., Смоленск). Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2017. С. 141 – 145.

16. Условно-мифические персонажи, сопровождающие героя дилогии «Моя жена – ведьма» и «Сестрёнка из преисподней» // Язык и личность в культуре: история и современность: сб. статей по итогам V Межвузовского молодёжного научно-практического семинара (21 ноября 2017 г., Смоленск). Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2017. С. 105 – 107.

17. Прецедентные и аллюзивные антропонимы в ранних романах А.О. Белянина // Материалы международной научно-практической конференции «Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования» (24 апреля 2018 г., Смоленск). Смоленск: СмолГУ, 2018. С. 74 – 78.

18. Именования главного героя романов «Тайный сыск царя Гороха» и «Заговор чёрной мессы» // Русский язык в современном мире: сб. статей по итогам научно-практической конференции (17 – 18 мая 2018 г., Смоленск). Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2018. С. 111 – 116 (в соавторстве с И.А. Королевой).

Подписано к печати 17.06.2018. Формат 60x84 1/16.
Печать ризографическая. Усл. п. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ № 22.
Дата сдачи в печать 18.06.2018.

Отпечатано в ИТЦ Смоленского государственного университета
214000 Смоленск, ул. Пржевальского, 4